

Нед внутренне вздрогнул, и не в последнюю очередь потому, что это просто не было правдой. Возможно, корона и пробудила в Роберте худшие качества, но если и было в нем что-то, что не смог испортить даже железный трон, так это его любовь к Лианне. Только она не могла этого видеть.

"Он все еще любит тебя, - признался он. "Он готов разорвать это королевство на части, лишь бы вернуть тебя".

Улыбка Лианны померкла. "А что насчет него?" - спросила она, снова указывая на ребенка. "Станет ли Роберт разрывать королевство на части, чтобы стать отцом сына Рейегара? Он может быть совсем не похож на своего отца, но не нужно быть очень острым умом, чтобы догадаться об этом, когда станет известно, что я его мать".

"Никто не может знать, что ты его мать, - заметил Нед. Это была бескомпромиссная правда, которая уже несколько недель стояла у всех перед глазами. И только сейчас, оказавшись загнанным в угол, он смог признать ее. "Куда бы ты ни пошла и где бы ни оказалась, никто не должен знать, что ты мать этого ребенка".

Она ничего не ответила. Боль от сложившейся ситуации была написана на ее лице, когда она снова отвела взгляд в сторону гор. Перед лицом реальности ситуации она выглядела так, словно ей хотелось остаться в этой башне с ребенком и прожить остаток своих дней, ни о ком не подозревая.

"Я не могу отдать его, Нед, - сказала она, снова встретившись с ним взглядом. "Я не думаю, что смогу отдать его даже тем, кому мы доверяем..."

"Я бы никогда не попросил тебя об этом", - отрезал он. Он заколебался, прежде чем высказать мысль, которая постоянно лезла ему в голову, но за неимением ничего другого пришлось сделать это. "А что, если все решат, что он мой бастард?" Его предположение было встречено молчанием, в котором он продолжил: "И я имею в виду всех. Даже он. Даже Кейтилин. Это была война, это можно было объяснить. Одна маленькая неосторожность - и вот последствия".

Снова молчание. Ее губы задрожали, и он понял, что она пытается удержаться от слез. Нед снова посмотрел на спящего ребенка. Он не будет помнить, что родился королем, но клеймо бастарда может остаться на всю жизнь. Он проклинал ее за то, что она оказалась в такой ситуации, и проклинал себя за то, что не знал лучшего выхода.

"Лианна, если бы был другой выход, я бы не колебался", - добавил он. "Поверь мне, я бы так и сделал. Но я просто не могу придумать другого выхода".

"Я могу бежать в изгнание", - срочно сказала она. "Я так и думала, что это произойдет. Я могу сесть на корабль до Браавоса, как только мы прибудем в порт. Ты можешь сказать Роберту, что я мертва, и о ребенке не стоит упоминать..."

"Я не могу!" снова вмешался Нед. "Лианна, ты должна поставить ребенка на первое место. Как мой бастард, он может жить и расти в Винтерфелле. У него уже есть брат, и будет еще, если боги будут милостивы к нам с Кейтилин. У него будут друзья, с которыми он сможет играть, мастер над оружием, который научит его владеть мечом, и мейстер, который будет лечить его раны и недуги и учить его буквам и цифрам. У него будет безопасность и защита". Он сделал паузу, а затем добавил: "За ним будет присматривать его тетя Лианна".

Эддард еще не успел познакомиться с собственным сыном. Но он уже знал, что если бы кто-то сейчас подошел к нему и сказал, что ему нельзя быть отцом для этого мальчика, а только дядей, он бы сломал ему челюсть. Поэтому он не винил сестру ни за ее сдержанность, ни за слезы утраты, которые теперь текли по ее лицу. Он поднялся и снова обнял ее, поцеловав в макушку, прежде чем дать ей время и возможность обдумать его предложение.

Чтобы избежать жары дорнийского солнца, они отправились в обратный путь с наступлением сумерек. Однако сначала Нед хотел уничтожить улики. Они засыпали первый этаж башни сухим хворостом и зажгли кремень. Сухое тепло помогло, и вскоре пламя охватило Башню Радости принца Рейегара. Он, Хоулэнд, Лианна, Вайлла и младенец вместе наблюдали за языками пламени, лижущими темнеющее небо над головой. Дым поднимался огромными черными шлейфами, образуя смог над безводной пустыней.

Лианна покачивала ребенка на бедре.

"Джон, - сказала она.

"Кто?" - спросил он, повернувшись к ней лицом.

Она грустно улыбнулась. "Думаю, мы должны назвать его Джоном".

Пламя отразилось в больших серых глазах Джона, и от дыма он закашлялся, его большие серые глаза слезились. Этот кашель был первым звуком, который Нед когда-либо слышал от него.

"Джон, - повторил Нед. "Это идеально для него".

Он снова вспомнил слова Ашары: "Ты не можешь продолжать называть его Эйгоном". Что бы она ни имела в виду, это уже не имело значения. Теперь он был просто Джоном Сноу.

Долгое путешествие через Красные горы прошло для Лианны как в тумане. Если она не найдет способ доказать, что Джон - результат непорочного зачатия, она никогда не сможет открыто стать его матерью. Никто не должен знать, никто не должен узнать. А если узнают? Она снова и снова задавала себе один и тот же вопрос, но ответ оставался неуловимым. Бежать в Вольные города - и они всю жизнь будут уворачиваться от Безликих. Окажись они где-нибудь еще, и им придется уклоняться от Безликих людей и работорговцев, бесчинствующих на большей части известного мира. Прекрасное положение для последнего Таргариена.

<http://tl.rulate.ru/book/115603/4532030>